

Қуандық Мүменбай

СОСЕД

«Не бойся быть рабом своего соседа» – говорит казахская поговорка. И я готов с ней согласиться. Ведь соседа тебе сам Всевышний посылает. С ним ты можешь столкнуться каждый божий день, выходя из железной двери своего кирпичного пятиэтажного дома. С ним ты живешь бок о бок, он свидетель всего происходящего с тобой и твоей семьей, всему дающий оценку, он твой самый близкий друг, поддерживающий, не говорящий ничего лишнего. Весь твой мир у него на ладони, у твоего Богом данного соседа.

Когда к нам въехал новый сосед, я невольно начал сравнивать его с прежним, рядом с которым прожил около пятнадцати лет. То был историк-археолог, участвующий в раскопках, пропадающий в экспедициях. Лицо его, до черноты закопченное солнцем, хранило беззаботность, словно и не было в его жизни тяжелых, жарой изнуряющих дней. Мы знали, что он известный историк, но о том, что стал обладателем высокой государственной награды, соседи прочли только в некрологе. Никогда не хвалился он: я, мол, такой-то. Когда не стало его, жена продала квартиру и переехала. Перед отъездом накрыла дастархан¹, попрощалась с соседями, всплакнула. А вскоре в освободившуюся квартиру заехал человек среднего роста, настороженно оглядывающийся по сторонам, прикрывающий рукой рот при редком смехе, словно желая затолкнуть смешок обратно. Говорит: «Переехал, потому как дом элитный, район понравился».

По казахской традиции для более близкого знакомства пригласил я нового соседа на угощение – ерулик². Супруга его оказалась особой высокомерной, говорит, что рублем дарит, но была у нее хорошая привычка все время улыбаться, что очень красит женщину. Он же, стоило кому рот открыть, начинал свои поучения не терпящим возражений тоном.

В ерулик накрыли мы дастархан от души, поставили на стол все, чем богаты. Хоть и были много младше новых соседей, старались соблюсти обычай.

– Правильно, что дом показали, – сказал новый сосед, едва переступив порог. – Я был пятнадцать лет директором гастронома «Столичный». Без икры на столе и гостей не звали, – заметил он, оглядывая дастархан. – Особо почетным ставили черную, менее почетным – красную.

– Для нас все гости одинаковы, была бы икра, и ею бы всех угощали, – усаживая соседей к столу, дал я понять, что и у нас разные бывали приглашенные.

Сосед посмотрел на меня исподлобья и замолчал на какое-то время. Наверное, понял, что и мне довелось повидать людей, хорошо знаю всех, кто в последние пятнадцать лет здесь жил...

– Вы же только сюда переехали, – примиряюще заметил я, – говоря армейским языком, только на «прописку» садитесь.

– Я не служил...

Подали жамбас³ для почетных гостей – хорошо сваренную тазовую кость черного барана. На что сосед, не отдав должного угощению, тут же заметил, что, дескать, сам-то он привык угощать копченым казы⁴ с конского ребра... Супруга соседа только улыбалась замечаниям, не пытаясь остановить мужа, видать, душа радовалась каждому его слову.

Перед мясом, как водится, подумав «а как он на это посмотрит», принес бутылку белой с длинным горлышком и коньяк. Коньяк наш – «Казахстан», прославивший страну напиток. Сосед же, глянув на бутылки, с особой гордостью сообщил, что по понедельникам в «Столичный» завозили армянский коньяк, который выдавался только членам ЦК, Совмина, Верховного Совета.

– Так нас в этом списке нет, – пошутил я, выискивая петельку на длинном горлышке.

Сосед в недоумении уставился на меня, супруга же его так и сидела с приклеенной улыбкой.

– Да пошутил я, пошутил! – пришлось прервать паузу. – Ну что, пить будете? Потому как, если гости непьющие, то и открывать бутылку нет смысла, сам я и с глотка болею на следующий день.

– Давайте знакомиться, – представляюсь я. – Меня зовут Тлеккабыл, сноха наша – Кунимай. Будем хорошими соседями.

– Я сразу балкон застеклю, – никак не реагируя на мое представление, заявил новый сосед. – Ворам доверия нет. Смотрю, вы еще вроде не застеклили. Не хорошо это по нынешним временам, – нахмурился он. А жена по-прежнему улыбалась.

Тут уж я не выдержал:

– Пятнадцать лет здесь живем, не было никаких воров!

Супруга моя тоже улыбнулась гостям и слегка ущипнула меня под скатертью за ногу.

– Три бутылки армянского коньяка по понедельникам брал себе бесплатно. Тем троим, номенклатурным, к их пяти бутылкам добавлял еще от себя по бутылке армянского, – вновь вернулся к теме столичного гастронома сосед.

Пришлось его прервать:

– Еда стынет. Давайте не за армян, а за себя выпьем.

Он вздрогнул слегка, сказал: «За знакомство!» и поднял рюмку с коньяком. Едва пригубив, отставил. Это была пузатая рюмка из подаренных на нашу свадьбу. Может, он хотел обнаружить ее дряхлость, но сегодня новое только зовется новым, а из чего что сделано, не поймешь.

Щедро положил соседу и жене его в тарелку бешбармак: снизу тонко раскатанное Кунимай тесто, сверху мясо свежезарезанного барана.

– «Молоко овечье – свинец для желудка», не зря говорят. И молоко, и мясо – тяжелая еда. Много есть нельзя, – припечатал наш непререкаемый сосед.

Чтобы перевести тему, предложил тост его жене, но она тут же отказалась: «Супруг говорил». И все смотрит на мужа и улыбается...

Ушли наши гости быстрее, чем предполагалось. Ну что ж, мы свой долг выполнили.

– Застекли быстрее балкон. На входные двери повесь два замка и звонок. Воры обхаживают элитные дома, – выходя, напомнил сосед. – Они же все втихаря делают. – И посмотрел на меня как на главного потатчика воров.

Уже держась за дверь, поделился:

– Машину припаркую у дома. Домоуправ, конечно, против: «нельзя ставить!» Но это же джип, самая дорогая машина! Покажу я ей еще, как «нельзя ставить!» – пригрозил он и, срывая злость, намерился хлопнуть дверью.

Но я все же перехватил дверь рукой, вспомнив:

– Вы же не сказали, как вас зовут...

– Есть еще время, – проговорил сосед, удаляясь.

Гость в доме у казахов – благо. Все гостинцы после него положены детям. Трое детей, жена и я все вместе, с облегчением принялись за дастархан...

Ерулик висел на моей шее, и все, теперь я от него свободен.

А имя соседа и позже узнаю.

* * *

Силы небесные, вчера сон видел... Новый сосед, человек старше меня лет на тринадцать, прошел мимо, не поздоровавшись в ответ. Руку мою протянутую не пожал. Ну, я и сказал себе, утешаясь: «И приветствию время придет».

Утром сосед вышел из двери напротив и начал спускаться вниз по лестнице. Торопился. Опущенную голову не поднимал от цементных ступенек. Едва выйдя из дома, нажал выпуклую кнопку на связке ключей, открыл дверь черного джипа, стоявшего мордой почти в подъезде. Я, по старой привычке, с удовольствием пошел пешком. Густой черный дым валил из-под капота машины, погружая все вокруг в смрад. Джип никак не разогревался. Проходя, заметил краем глаза, как сосед крепко ухватился за руль, сосредоточив взгляд на его центре. Большой машине прогреться время нужно. А как разогреется, помчит водителя, куда только тот пожелает, и не будет ему преград на пути.

А сам я медленно поднимаюсь в гору, так уж город наш расположен: вверх-вниз. И неожиданно привиделась мне красная рыба, мечущая икру. Про нее я лишь в книгах читал, а видел в жизни только сазана да щуку, и не то что черную, и красную-то икру никогда не пробовал. Все мои представления о ней – в книгах писателя нивха Санги. Но все слышалось мне, как тот человек, сосед мой, говорит, что угощают людей по положению: либо черной, либо красной икрой.

«Да что это со мной происходит со вчерашнего дня? Сосед что ли сердится, что пригласить – пригласил, а не подготовился хорошо? – ловлю себя на мысли. – Да ну, что за глупость, за пятнадцать лет и не таких важных персон видали!» – заиграла вдруг на моем замерзшем лице улыбка.

Есть у меня, может быть, неприятная для других черта – никого не боюсь, лебезить ни перед кем не буду, так как никому ничего не должен. Уважать же – всех уважаю, почитать людей – одна из заповедей Аллаха. А соседу готов и рабом стать.

* * *

Прошло время. Стою на джаназе⁵ – прощании с соседом. Позавчера попал он в аварию. Торопившийся человек проскочил на красный, и тут со стороны водителя в джип врезалась легковая машина. Умер сосед на месте. Сегодня джаназы. Народа у входа не так и много. Испрашивая погибшему божью милость, стою в общем ряду. Пришел как положено, омывшись. Это – первое правило джаназы.

– Каким человеком был Сурапберген Кайып? – вопрошает молодой имам в белом, дрожа от холода.

– Хорошим человеком, – прогудели все.

– Кто был свидетелем его плохих дел? Не брал ли себе лишнего?

– Нет, – ответили все хором.

Я промолчал. Так как сосед только к нам въехал, не знаю о его житейских делах. В это время большая легковая машина взревела мотором у дома, нарушая спокойствие джаназы. «Мог бы и подождать немного или пораньше машину забрать, зная, что будут хоронить человека. Не поймешь нынешних соседей». Взаимное уважение – главное, к чему надо стремиться. Не дожидаясь недовольства людей, до поднятия тела, машина быстро уехала.

– Есть ли долги у покойного? Если должен кому, возвращать будет суженая, что стоит рядом, – проговорил имам, поворачивая голову вслед прошумевшей машине.

Жена соседа все такая же, будто не на похоронах стоит, – улыбается. Так и веет от нее спокойствием. Словно говорит, улыбаясь, имаму: «А что, если не верну?»

– Сейчас проводим умершего до его вечной обители. Проводы до кладбища – долг правоверных. Проводить и положить горсть земли в могилу – милость.

И я поехал, чтобы похоронить соседа, с которым жил дверь в дверь. Пусть будет ему милость. Зовут Сурапберген, оказывается. Узнал об этом из уст имама, когда время пришло.

Молодой имам, с ушами, покрасневшими от мороза, и у могилы прочитал наставление провожающим. «Бросить горсть земли – милость. Все пришедшие – близкие и родные умершего. Чем больше человек положат горсть земли в могилу, тем легче станет его ноша. Помните, – сказал имам, – какую бы дорогую и удобную машину человек ни водил, самым дорогим его транспортом в этом брэнном мире становятся ладони людей, несших его до могилы. В каком бы красивом доме он ни жил, самым удобным и мягким пристанищем становится ляхада⁶, присыпанная черной землей. Позвольте предать земле усопшего?»

– Можно, можно, – сказали близкие.

Один из самых близких тебе – это Богом данный сосед, и я склонил голову в знак согласия.

На поминальный обед не пошел: спешил. Да и идти не хотелось, ас в ресторане длится долго. От восхвалений усопшего порой уши вянут. Я этого человека знал всего-то один месяц, один час был он гостем в моем доме. Завтра – пятница. Схожу в мечеть, закажу аят⁷, почитаю Коран умершему.

Крыша нашей пятиэтажки виднеется издалека. Сосед начал закрывать балкон решеткой, задел уже есть, а конца не видно, даже болгарка, пила по железу, не уместившись в тесном пространстве, лежит разобранной. К дверям привезли развороченный кузов битого джипа.

– В ресторане давали икру? – услышал голос жены, едва войдя в дом.
 Это и зовут – «язык без костей», об этом и говорят: «Жена – твой враг».
 – Спросишь у тех, кто в ресторане был...

Дверь напротив слегка открыта, из щели следит за нами глаз. Это – глаза умершего соседа, дух несчастного. «Бедняга был хорошим человеком, пусть земля ему будет пухом».

На пятничную молитву пошел, как полагается, начал повторять все, что знаю. Говорят, мусульманин должен делиться знаниями, которыми владеет. Завтра это может стать плюсом в мой судный день. Бедняга все-таки был моим соседом. Звали Сурапбергенем, хотя сам не представился, когда уходил. «Время терпит», – тонким звоном зазвучало в моих ушах. И про имя узнал в свое время от имама. А как отца зовут, не знаю. Чей-то лучший на свете сын, хороший человек... Все люди не без греха. «Прости, Аллах, его слабости», – шепчу про себя. Испрашиваю упокоения души для моего соседа.

Что-то почувствовал в дуновении за спиной, обернулся назад, а перед глазами – балкон, заваленный разной мелочевкой. «Летом буду спать на этом балконе. Раньше всех буду дышать целебным воздухом Алатау», – прозвучали неожиданные слова. Вспомнил, как, бросая землю, внимательно посмотрел на место упокоения – вдоль и поперек еще меньше, чем балкон, забитый всяким железом и хламом. Перед дверью нашего дома стоит кузов мятого черного джипа...

Ополоснув рот водой, поторопился встать в ряд со всеми.

В пятницу не в воспоминаниях витать полагается, а испрашивать милости у Аллаха для живых и ушедших. В этот день нет места плохим словам...

И выполняя для своего соседа простой человеческий долг, я встал в ряд со всеми.

Перевод Гульмарии Оспановой.

- ¹ Дастархан – 1) скатерть; 2) накрытый стол; здесь – в значении накрытый стол.
- ² Ерулик – по казахским традициям угощение для вновь прибывших соседей с целью знакомства и демонстрации готовности к общению.
- ³ Жамбас – тазовая кость с мясом; в обиходе при приеме гостей у казахов строго соблюдаются традиции, по которым в соответствии с социально-общественным положением подавались куски мяса, жамбас полагался почитаемому гостю.
- ⁴ Казы – традиционная колбаса из конины у ряда тюркских народов, считается деликатесом.
- ⁵ Джаназа – по исламскому похоронному обряду молитва, совершаемая перед погребением тела мусульманина.
- ⁶ Ляхада – ниша в правой стороне могилы, которая закрывается необожженными кирпичами или досками, после того как покойного поместят в нее.
- ⁷ Аят – структурная единица Корана, обычно понимаемая как «стих». При любом значимом событии у мусульман читается определенный аят – стих.

